

«Мое искусство — празднование жизни» Ян Фабр о двух комах, обратной стороне смерти и жестокости

#кошкизафабра

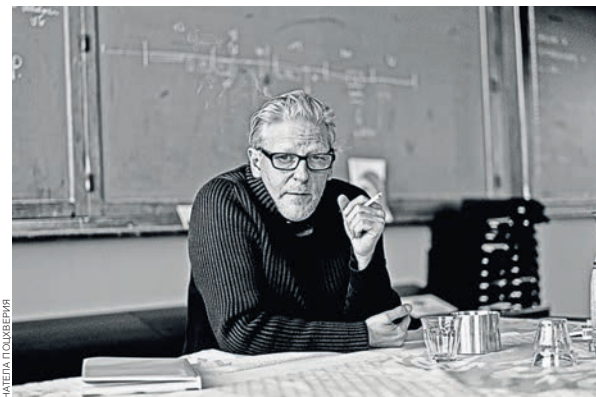
21 ОКТЯБРЯ

в Государственном Эрмитаже открылась экспозиция «Рыцарь отчаяния — воин красоты» бельгийского художника Яна Фабра. Пожалуй, самая яркая выставка года. И пока одни радовались прогрессивности руководства Эрмитажа, другие требовали «Рыцаря» закрыть, обвиняя художника в жестоком обращении с чучелами животных. В сети появились сразу два противоборствующих хештега — #позорэрмитажу, запущенный противниками выставки, и #кошкизафабра — придуманный Михаилом Борисовичем Пиотровским (директор «обвиняемого» Эрмитажа тем самым напомнил, что в подвалах Зимнего дворца живут десятки котов, которых смотрители музея всячески холят и лелеют). За несколько дней до открытия экспозиции Натела Поцхверия побывала в Антверпене, в мастерской художника. Разговор зашел о границах жестокости, запретах в искусстве — и работах для выставки.

— Если позволите, начну с самого очевидного вопроса: как сложилось сотрудничество с Эрмитажем?

— Шесть-семь лет назад Михаил Пиотровский и Дмитрий Озерков (заведующий отделом современного искусства в Эрмитаже. — „Ъ“) увидели мою выставку в Лувре. Я думаю, им понравилось. Года три назад или немного раньше мы встретились с Пиотров-

«Преданность писает в пасть смерти», 2016 год

ским, и он пригласил меня сделать выставку в Эрмитаже. Я попросил дать мне время — в том числе и потому, что я создавал работы специально для этой экспозиции.

— В этом музее много работ знаменитых голландцев. Это легло на вас дополнительным грузом ответственности?

— Я вырос недалеко от дома Рубенса и, когда мне было лет шесть-семь, регулярно бегал туда, пытаясь переписать его картины. Мне понравился Эрмитаж, там много работ гениальных художников. Множество я знал по книгам, но никогда не видел вживую. Созерцание этих работ меня необычайно тронуло. Пиотровский очень серьезно отнесся к нашему проекту, мы обсуждали его много раз. Решили, что разделим выставку и сделаем ее в старом и новом здании. На что-то меня вдохновил Ван Дейк. Благодаря ему появились новые работы из мрамора. Несмотря на то что Ван Дейк сам был художником, он еще был ассистентом у Рубенса (на Рубенса ведь работало много студентов).

— Расскажите о работах, которые приготовили специально для Эрмитажа.

— Одна из таких серий — о женщинах. О важных женщинах в моей жизни. Еще я

сделал скульптурную работу, посвященную королеве Елизавете, будущей королеве Бельгии, на что меня вдохновила Екатерина Великая. Каждая комната моей экспозиции в Эрмитаже — своеобразный диалог. Я нарисовал голубые картины для зала Рубенса и новую серию про карнавал. Символом «Карнавала» стала собака-ротвейлер, ведь она олицетворяет преданность. Кошка же являет собой женщину, самостоятельную и эмансипированную, — ведьму. Эти животные никогда не были популярны в традиционном европейском искусстве.

Есть полотна, изображающие разные фестивали в Бельгии. Вы сразу заметите, что очень многие элементы картин взяты из бельгийских фестивалей. Все эти цвета: оранжевые, зеленые и золотые. Моя родина — очень маленькая страна, мы все время были оккупированы: то немцами, то голландцами, французами.

Новые голубые картины, в зале Рубенса, очень сложно разглядеть: они сделаны в специальной технике, я сначала рисовал, потом фотографировал рисунок, затем накладывал несколько слоев специальной химической краски. Я использовал фиолетовый, голубой, красный. Только жуков-скарабеев не красил.

— Вы, наверное, знаете, что в России сейчас все непросто складывается с пониманием современного искусства... Как нам быть?